

Gunnar Jarring, *Materials to the knowledge of Eastern Turki...*, III. Folk-lore from Guma, Lund, 1951; IV. Ethnological and historical texts from Guma, Lund, 1951 (Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Avd. 1, Bd. 47, Nr. 3, 4).

Вот вышли и обещанные Г. Яррингом тексты из оазиса Гума¹. Селение и оазис Гума расположены в Южной Кашгарии, граничащей с нашей Узбекской ССР, а отчасти и с Киргизской ССР. Население — уйгуры, по языку близки к узбекам, не говоря уже о близости их к нашим уйгурам.

Все это побуждает нас ближе познакомиться с населением этого оазиса.

Находясь между крупными городами Яркендом и Хотаном, этот оазис оставался мало известен. Он был в силу этого условия каким-то просто проездым пунктом. В Гуме, например, «проездом» были: полковник М. В. Певцов (1889 г.)², языковед С. Е. Малов (1914 г.). Тексты записывались Г. Яррингом далеко от Гумы, в гор. Сринагаре (в Кашмире) в 1935 г. от довольно книжно образованного по-мусульмански уйгур-гуминца Махсуда Хаджи (III, 3 и IV, 3).

В фольклорном отделе (ч. III) даются весьма распространенные и известные на «мусульманском» Востоке рассказы о Насредине-ходже, об Адиль-хане (о «Справедливом хане»), бесконечные рассказы о шахе Бахраме, о котором можно читать и у Фердоуси (в «Книге царей»), у Низами (1141—1203 гг., в «Семь красавил») и у Алишера Навои (в «Семь планет») — о принце, влюбившемся в красавицу, увиденную им во сне, о хитрости женщин³, о таяках-паршивцах; конечно, есть и песни, пословицы и загадки.

Я хочу отметить, что в этих выпусках заметна более точная запись диалекта; теперь Г. Ярринг делает более всяких языковых примечаний о вариантах произношения — быстрого и медленного, выясняет арабскую и персидскую лексику, поясняет в подстрочных примечаниях разные свои недоумения и неполадки с переводом: всего этого было меньше в прежних выпусках с материалами по другим баречиям уйгурского языка и по языку узбекскому (из Афганистана).

Разнообразно содержание четвертого выпуска. Здесь очень небольшие заметки и рассказы этнографического и исторического содержания. Здесь о флоре и фауне оазиса Гумы, о сельскохозяйственных работах, детские игры, приготовление пищи⁴ (несколько рецептов), о шаманстве и пр. Все это — статейки по 1—3 странички с переводом.

В отделе исторических текстов имеются: паспорт Махсуда Хаджи, диктовавшего эти тексты, и описание революционных движений в Гуме (1930—1935 гг.). К этому Г. Ярринг делает еще примечание, что информация о революционных движениях (в Синь-Цзяне) можно найти в статьях, опубликованных шведскими миссионерами из Кашгара, Янги-Хисара и Яркенда в различных шведских миссионерских обзорах (стр. 185).

В языке Гума встретилось слово *äspä* — животное, живущее в горах (IV, 17). Слово это встречается в старых памятниках тюркской литературы⁵.

Нет ли в загадке (стр. 131, № 5) какой-либо опечатки в записи? Близкая к этой загадке есть у илийских уйгуров⁶.

Мне хотелось бы считать, что *чай мадä* (т. е. чай и пр.) не из арабской фразы *ма хазара* (что присутствует, что предлагается с чаем), а скорее, пожалуй, персидское слово *мадä*, т. е. smak, вкус, что-либо приятное (III, стр. 77 и IV, стр. 65)⁷.

Отмечу одно недоразумение с использованием уйгурско-русского словаря Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (Москва, 1939). Например (III, стр. 42, ср. стр. 57), Г. Ярринг при слове *чäчлä* («собирать зерно в кучу») указывает, что в словаре Баскакова и Насилова (стр. 30) это слово будет *чäчлä*, но это вовсе не так; в русском словаре здесь

¹ Изв. АН СССР, Отд. лит.-ры и языка», т. X (1951), вып. 2, стр. 207.

² М. В. Певцов, Труды Тибетской экспедиции, ч. 1, СПб., 1892; его же, Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь, М., 1949; Л. С. Берг, Всесоюзное Географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946, стр. 104—109; Д. Н. Анучин, О людях русской науки и культуры, М., 1952, стр. 105—107.

³ Ср. Г. Н. Потанин, Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, «Живая старина», XXV, вып. II—III, 1916, II., 1917, стр. 149—151.

⁴ Ср. H. S t u m m e, Ein türkisches Kochbuch und fünf seine schönsten Pilawrezepte, Islamica, 1927, II, 4, стр. 538—549; П. М. Частиный, Основные национальные блюда казахской ССР, Алма-Ата, 1948, стр. 17 и 23.

⁵ В словарях указываются еще следующие значения этого слова: «пантера», «рысь», «барс», «тигр», «охотничья собака (орел)»; см. Л. Будагов, Словарь, 1, 45; И. Д. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910, стр. 1814; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 80, 85, 98—99, 366.

⁶ Н. Н. Пантусов, Материалы к изучению наречия таранчей, вып. 2, Казань, 1898, стр. 19 и 39, загадка № 112.

⁷ Указание на это арабское выражение было в: D. R o s s and R. O. W i n g a t e, Dialogues in the eastern turki dialect, London, 1932, стр. 4; ср. «Le Monde Oriental», XXVIII, 1934, стр. 194 (реф. Г. Ярринга); в рецензии В. Банга («Mitt. sem. orient. Sprachen», 1934, 1. Abt., стр. 195—198) об этом арабском выражении ничего нет.

не *чӓлӓ*, а *чӓлӓмӓк*; при этом средний звук редуцируется, лишаясь в середине слова ударения, а если бы Баскаков и Насилов давали в глаголах не форму на *мӓк*, а глагольный корень, то и у них этот глагол писался бы *чӓлӓ*.

В далекой Гуме Г. Ярринг указывает следующие русские слова в уйгурском: *поднос* (IV, стр. 95), *устул* («стол») (IV, 97), *самовар* (IV, 90) и *кантур* («контора», IV, 73).

В главе о школах делается сноска (IV, стр. 123), что следующей книгой Ярринга будет о школах в Восточном Туркестане⁸.

С. Е. Малов

D. R. Fokos-Fuchs, Volksdichtung der Komi (Syrjänen), Будапешт, Академическое издательство, 1951, 472 стр., отв. редактор Георгий Лако (Lakó György).

Венгерский ученый Д. Р. Фокош-Фукс уже свыше сорока лет занимается исследованием коми-зырянского языка, выявлением диалектных особенностей его и собиранием фольклора. Еще до первой мировой войны он приезжал в коми-зырянский край для изучения языка населения этого края. Между прочим им впервые был обстоятельно изучен удорский диалект языка коми, расположенный в верховьях р. Мезени и ее притока Вапки, местах, отделенных в то время от путей сообщения пешеходной дорогой в 100 с лишним километров. Об этом трудном путешествии нам неоднократно рассказывал ныне покойный народный учитель коми А. Г. Фролов, помогавший в научной работе Д. Фокошу. Последним были произведены записи значительного количества текстов на коми-зырянском языке. Эти тексты были изданы с переводом на венгерский язык и с комментариями еще в 1913 и 1916 годах¹.

Рецензируемая книга представляет собой сборник фольклорного материала, записанного Д. Фокошем в Венгрии (в комитате Комаром) в 1916—1917 гг. от пяти военнопленных-зырян, являвшихся представителями пяти разных диалектов: летского (А. И. Попов, 30 лет, дер. Гуменская, по р. Летке, притоке р. Вятки), прупско-верхневычегодского (Т. А. Кочанов, 28 лет, дер. Проловская на р. Пруте, западном притоке Северной Кельтмы, являющейся левым притоком Вычегды), мыелдинско-верхневычегодского (С. Г. Попов, 40 лет, с. Мыелдин, расположенное на правом берегу верхнего течения р. Вычегды, недалеко от устья Южной Мылвы), вымского (И. Л. Канев, 22 года, дер. Кони, на правом берегу р. Выми, северного притока р. Вычегды, в 80 км севернее Устьевымы) и сыктывкарско-вычегодского (С. А. Цивелёв, 27 лет, гор. Устьсыольск, ныне Сыктывкар). Все эти населенные пункты находятся на территории Коми АССР.

В сборнике всего 93 произведения (сказки, песни, рассказы, загадки и т. д.). Запись фольклорного материала произведена фонетической транскрипцией, принятой в финно-угорском языковедении. Текстам по каждому из этих пяти диалектов предпосылается краткое описание особенностей говора. Приведенный материал коми языка весьма точно переведен на немецкий язык и снабжен комментариями.

Некоторые данные о языке этих военнопленных-зырян Д. Фокош сообщил в свое время в венгерском журнале «Keleti Szemle» («Восточное обозрение», т. 16, стр. 261—262; т. 17, стр. 228—230) и хельсинкском журнале «Finnisch-ugrische Forschungen» (т. 16, стр. 237). Небольшая часть была напечатана в 1920 г. в «Лингвистических сообщениях» («Nyelvtudományi Közlemények», т. 45, стр. 401—468) венгерской Академии Наук. Остальные тексты автором были подготовлены к печати еще в 1919 г., но буржуазная Венгрия не сумела издать этот ценный труд (рукопись Д. Фокоша 30 лет лежала без движения!). Лишь Академии Наук Демократической Венгерской Республики удалось это сделать.

Достоинствами книги нужно считать следующие. Д. Фокош, прекрасный знаток коми языка, с исключительной точностью передает факты диалектов языка коми как с точки зрения звучания, так и в отношении смысловой стороны. Несмотря на то, что в распоряжении Д. Фокоша был только один (и тот случайный) представитель диалекта, ему удалось с успехом уловить характерные особенности каждого из изученных диалектов. В настоящее время коми-зырянские диалекты относительно хорошо изучены. Тем не менее в книге Д. Фокоша мы находим немало нового, нам неизвестного, в особенности в лексике и фонетике (например, окончание глагола неочевидного прошедшего времени *ама*: *быдмама* — «выросло», см. стр. 149). Сама фиксация диалектной речи, в особенности таких отдаленных говоров, каким является, например, прупский, представляет уже научную ценность.

⁸ Sp. Dutreuil de Rhins et F. Grenard. Mission scientifique dans la Haute Asie 1894—1895, Paris, 1897—1899, I—III.

¹ Fokos David, Zürjén népköltészetű mutatványok («Образцы зырянского фольклора»), напечатано в журнале «Nyelvtudományi Közlemények» («Лингвистические сообщения»), тт. 41, и 42, и отдельным оттиском, Будапешт, 1913; Fokos David, Zürjén szövegek («Зырянские тексты»), Будапешт, 1916, в серийном издании «Finnugor Füzetek» («Финно-угорские брошюры»), вып. 19.